

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-2-26

УДК 101.1:316

ИСКОННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ В ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Маслобоева О.Д.

В статье раскрывается система духовных ценностей, образующих специфику российской культуры и рефлекслируемых отечественными мыслителями. Методологическими инструментами исследования выступают: диалектика сущности и явления, принцип историзма, системный подход и герменевтический анализ текстов русских мыслителей XIX-XX вв. Исходя из понимания ценности на уровне явления и на уровне сущности и из истории происхождения славян, выявлены коренные особенности нашей ментальности: общинность образа жизни, соборность, софийность, гражданственность, позитивная свобода. Как и у любого народа, культурная идентичность русского этноса, составляющая его индивидуальность, детерминирована пространственно-временной структурой исторического процесса: евразийской географией и исторической молодостью России. Специфика нашей ментальности привела к формированию органической теории, давшей рождению русскому космизму. Заложённая в контексте российского органицизма система теоретико-методологических принципов явилась инструментом перехода от механистически созерцательного мировоззрения к деятельностно органическому и способствовала выработке философско-антропологического проекта русского космизма, который отвечает вызовам современной эпохи, раскрывая стратегию созидательного разрешения апокалипсической альтернативы между самоуничтожением или самовозрождением человечества на качественно новом уровне. Исследование космической функции человека в этом процессе выявляет необходимое (синергия всех элементов духовной культуры) и достаточное (актуализация осознанного единства человечества) условия самовозрождения. Итак, развитие философской культуры общества с его исконными ценностями определяет уровень зрелости национального самосознания, и от этого зависит его дальнейшая судьба.

Ключевые слова: *ценность на уровне явления и на уровне сущности; соборность; софийность; гражданственность; механистическое и органическое мировоззрение; со-*

зерцательный и деятельностный тип мировоззрения; российский органицизм; русский космизм; космическая функция человека; философско-антропологический проект; позитивная свобода.

NATIVE VALUES OF RUSSIA IN PHILOSOPHICAL REFLECTION

Masloboyeva O.D.

The article reveals the system of spiritual values which forms national peculiarity of the Russian culture and is comprehended by home thinkers. The methodology of research includes the dialectic of essence and phenomenon, the historical method, the system approach and the hermeneutic analysis of the texts of Russian thinkers of the XIX-XX centuries. The native features of our mentality are revealed on the basis of understanding a value at the level of the phenomenon and at the level of essence and also taking into account the history of the origin of the Slavs. They are: the communal way of life, the sobornost, the sophynost, the civic consciousness, the positive freedom. As well as with any nation the cultural identity of the Russian ethnos making its individuality is determined by the spatial and temporal structure of historical process: by Eurasian geography and historical youth of Russia. The specifics of our mentality promoted the formation of the organic theory which gave to the birth to the Russian cosmism. The system of the theoretical and methodological principles put in the context of the Russian organicism was the instrument of transition from mechanistic and speculative world outlook to organic and activity-related type of world outlook and promoted development of the philosophical and anthropological project of the Russian cosmism. This project answers calls of a modern era, opening strategy of creative permission of apocalyptic alternative between self-destruction or self-revival of mankind at qualitatively new level. Research of the cosmic function of the person in this process reveals necessary (a synergy of all elements of spiritual culture) and sufficient (updating of conscious unity of mankind) self-revival conditions. So, development of philosophical culture of society with its primordial values determines the level of a maturity of national consciousness and its further destiny depends on it.

Keywords: *value at the level of the phenomenon and at the level of essence; the sobornost; the sophynost; the civic consciousness; mechanistic and organic world outlook; speculative and activity-related type of world outlook; the Russian organicism; the Russian cosmism; the cosmic function of the person; philosophical and anthropological project; the positive freedom.*

Каковы ценностные ориентации социального субъекта, таково и общество. Эта истина становится особенно востребованной в кризисных ситуациях, поскольку по этимологическому смыслу «кризис» – это судебный процесс, положительный смысл которого в обострении самосознания субъекта, попавшего в такую ситуацию. Не случайно поэтому президент нашей страны в конце минувшего года в своем послании подчеркнул, что нас не раз выручали отечественные ценности, которые и сегодня есть наша опора.

Прежде чем анализировать систему отечественных ценностей следует определиться с самим понятием «ценность», которое трактуется как норма, убеждение, идеал, значимость, а также как объект, обладающий какой-либо пользой для субъекта. Разнообразие дефиниций понятия «ценность» зависит от исследовательских подходов в области социологии, стремящейся соотнести ценности с эмпирически наблюдаемым поведением людей, поскольку «ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [18, с. 429].

Теоретико-методологическим основанием социологии выступает социальная философия, в арсенале которой работает диалектика сущности и явления как стратегия подлинно научной революции, продемонстрированная впервые в коперниканском перевороте. Применительно к пониманию того, что есть *ценность*, можно констатировать: *на уровне явления – это объективированная польза какого-либо элемента в структуре бытия*. Ценностью для человека может быть машина, туристическая поездка или любимый человек. Объективация так или иначе приводит к материализации пользы. Однако *на уровне сущности ценность – это субъективированная значимость какого-либо элемента в структуре бытия*. Именно на уровне сущности открывается подлинная ценность любого элемента бытия, обусловленная его количественно-качественными характеристиками, составляющими меру его бытия. Так, сущностная ценность машины, турпоездки – в качественной трансформации пространственно-временной структуры жизнедеятельности человека, обуславливающей её содержательную наполненность. Сущностная ценность любимого человека – в божественном единении с Другим как целой Вселенной, результатом чего является *«оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма»* [16, с. 505]. Субъективация приводит к идеализации значимости элементов бытия в метафизическом, а не узко оценочном, смысле, т.е. актуализирует динамику духовной реальности. Идеальное – это философская категория для обозначения субъектной реальности, которая с точки зрения материалистов отражает, а с точки зрения идеалистов детерминирует качественную определенность и сущность вещественной или, шире, материальной реальности. Содержание идеальной реальности состоит в потоке психических образов, носителем которой выступает соответствующий субъект. Таким образом, *сущность ценности заключается в психологиче-*

ской установке человека, формирующейся в процессе взаимодействия его с миром в целом и каждым конкретным элементом бытия в частности.

В соответствии с теорией «первичной установки» в психологии, разработанной в советский период школой Д.Н. Узнадзе, мозговая активность человека представляет собой опережающее моделирование, которое строится на «трех китах»: потребность, среда жизнедеятельности и прошлый опыт индивида. Ученики Д. Узнадзе развили далее теорию установки, выявив ее виды и сформировав концепцию *целостной установки личности, которая заключается в опережающем моделировании не локальных жизненных ситуаций, а целостной жизненной стратегии человека, нацеленной на максимально возможную самореализацию его индивидуальности на основе принципов, заложенных на уровне бессознательного, как платформа его жизнедеятельности.* Именно психологический механизм установки, пробуждающей энергию и инициативу социального субъекта, способствует тому, что посредством ценностей, доминирующих в обществе, личность усваивает прошлый социальный опыт и воспроизводит его в разрешении проблем наличной ситуации сквозь призму моделирования желаемого для субъекта будущего; т.е. мир ценностей связывает прошлое, настоящее и будущее, детерминируя ход исторического процесса.

История, по марксистскому определению, это деятельность человека, преследующего свои интересы. Именно интересы объединяют и разделяют людей на социальные группы, действующие солидарно. Интерес, являясь осознанной потребностью, формируется в зависимости от ценностей и идеалов, в контексте которых осознается потребность, т.е. одна и та же потребность может быть осознана в интересе по-разному в широко дифференцированном диапазоне богатого выбора ценностных ориентаций, начиная от максимально адекватного осознания потребности в интересе до наиболее извращенного. Так, например, потребность народов в национальном самоопределении может осознаваться адекватно – как установка на взаимоуважительное общение с иными этническими общностями, что способствует взаимному духовному обогащению и соответственно расцвету этих субъектов, – или извращенно – как установка на уничтожение или угнетение иных этнических общностей, т.е. по сути ложный путь национального самоутверждения, закономерно оборачивающийся геноцидом против собственного народа. Система ценностей, исповедуемых социальным субъектом, формирует его «коллективный портрет» [5, с. 328] как индивидуальное своеобразие. Характер общества и направленность его исторического развития определяется структурой и динамикой его ценностей.

Основное внутреннее противоречие системы ценностей как энергетический источник её структурной динамики заключается во взаимодействии материальных и духовных элементов

этой системы на уровне явления и сущности. В.Ф. Одоевский – мыслитель XIX в. в философском романе «Русские ночи» раскрывает обратно пропорциональную зависимость между материальной весомостью элементов в структуре бытия и их значимостью: «...однако ж мне сдается, что наибольшую роль играет во всей вселенной именно то, что менее осязаемо или что менее полезно... вода слабее камня, пар, кажется, слабее воды, газ слабее пара, а между тем сила этих деятелей увеличивается по мере их видимой слабости. Поднимаясь еще выше, мы находим электричество, магнетизм – неосязаемые, неисчислимы, не производящие никакой непосредственной пользы, – а между тем они-то и движут и держат в гармонии всю физическую природу. Мне, кажется, это порядочная указка для экономистов» [14, с. 111-112]. Именно экономика культивирует материальные ценности как палитру ценностного мира на уровне явления, способствуя в условиях техногенной цивилизации доминированию потребительской психологии и затмевая для сознания субъекта истину, что «наибольшую роль играет во всей вселенной именно то, что менее осязаемо или что менее полезно» [14, с. 111]. Духовные общечеловеческие ценности приобретают статус высших, безусловных и абсолютных, т.е. они образуют систему идеалов как аксиологическое сущностное ядро любой национальной культуры, потенциал творческого развития которой зависит от способности сохранять это ядро от девальвации, чтобы не променять свою индивидуальность как первородство на чечевичную похлебку.

Рассмотрим исконные ценности, на которых исторически сформировалась культура России и которые составляют её сущностное аксиологическое ядро, выступающее при этом стержнем национального самосознания. Ответственность за его зрелость в первую очередь несёт профессиональная философия, призванная в лице выдающихся мыслителей повышать градус философской культуры в обществе.

С исторической точки зрения формирование славянского этноса явилось результатом саморазвития индоевропейских народов и языков. Первые упоминания о славянах встречаются в VI в., когда готский историк Иордан пишет о том, что выделился новый самостоятельный этнос, поименованный славяне. Единство воинственности, чести и доброжелательности придавало индоевропейцам характер открытости, что, по-видимому, и нашло отражение в свойственной им коллективной психологии, естественно сложившейся на уровне коллективного бессознательного. Очевидно, что восточные славяне в полной мере восприняли этот дух коллективизма, реализующийся в соборности и софийности культуры Древней Руси и России как наиболее фундаментальных исконных ценностей отечественной ментальности. У западных славян ген общинности был атрофирован, что вылилось в формы хуторского хозяйствования.

Укорененность общинного образа жизни в нашей истории ярко проявилась в том факте, что для ликвидации общины как формы социальности было принято специальное постановление ВЦИК от 30.10.1922 г.

Соборность русского духа генерировалась как «единство во множестве», т.е. как свободная от антагонизма общность людей, объединенных православными ценностями. Сущность соборности в том, что это духовное единение в рамках своей конфессии, гарантирующее цельность личности и формирующее духовный организм, т.е. такую органическую систему, где каждый элемент существует для целого, а целое существует для каждого элемента. Конкретное проявление соборности заключается в примирении в христианской любви, где свобода каждого реализуется в единстве всех.

Смыслообразующим символом русской культуры, выраженном в широком диапазоне: от глубинных состояний русской духовности до объективации в произведениях архитектуры, выступает софийность. Образ Софии в русской культуре – это премудрость Божия, понимаемая в ее земном аспекте как организующее начало соборности, вырастающей до всечеловеческого единства. В философской рефлексии софийность оборачивается поиском не абстрактно теоретической, а живой мудрости, истины, красоты, блага, что предполагает интуитивно-эмоциональное постижение действительности и «особую эмоционально-акцентированную гносеологию сердца». Софийность обусловила практическую направленность и гражданственность отечественной философии, а также способствовала в XIX в. формированию органицизма, преодолевшего соблазн западно-европейского позитивизма, который сделал ставку на одностороннюю научно-техническую рациональность и элиминацию ценностных смыслов.

Гражданственность русской культуры, столь ярко выраженная в знаменитом некрасовском слове: «поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан», – рефлексировалась мыслителями XIX в. Так Н.Г. Чернышевский писал: «Многие из великих людей Германии, Франции, Англии заслуживают славу, стремясь к целям, не имеющим прямой связи с благом их родины... многие из величайших ученых, поэтов, художников имели в виду служение чистой науке или чистому искусству, а не каким-нибудь исключительным потребностям родины» [23, с. 575]. Ему вторит Г.В. Плеханов: «Когда возникает вопрос, почему не так много сделал для «чистой» теории тот или другой весьма даровитый русский человек, очень часто окажется, что у него было другое дело, более близкое его сердцу, нежели занятие «чистой» теорией» [15, с. 160]. «Более близкое сердцу» русского мыслителя дело есть судьба Отчизны.

Переживание исторической судьбы Родины как своей собственной – это, по сути, патриотическое чувство. Замечательно сущность патриотизма в противоположность национализму рас-

крывает Д.Лихачёв: «Патриотизм – это благороднейшее из чувств. ...это важнейшая сторона и личной и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхлические цели. Национализм же – это самое тяжелое из несчастий человеческого рода. Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов. ...*Осознанная* любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим» [7, с. 69, 67]. Доброжелательность, широта и открытость иным национальным культурам издревле свойственна русской культуре как проявление гена общинности и выросших из него соборности и софийности. Саморазвиваться могут только открытые системы. А.Н. Радищев в своем знаменитом «Путешествии...», проникнутом болью за судьбу Отчизны, обосновывает, что быть гражданином мира можно только будучи патриотом своей Родины.

Беседы со студентами по проблеме наших исконных ценностей показывают, что среди таких очевидных, с точки зрения респондентов, ценностей, как православие, семья и верность нравственным ценностям, первоочередной выступает – миролюбие, отсутствие своего рода агрессивного инстинкта по отношению к иным странам и народам. Политические аналитики вторят этой мысли по-своему, подчеркивая отсутствие в нашей истории опыта колониальных завоеваний. И народы нашей родины, и аборигены Аляски в процессе формирования государственности России чувствовали, что русские землепроходцы расселяются с намерением жить и работать по-добрососедски, без проявления какого бы то ни было колонизаторского высокомерия и порабощения. Д. Лихачев восклицает по этому поводу: «Сколько мы, русские, получили культурных ценностей от других народов (татар, мордвы, марийцев, коми, башкир и др.) именно потому, что сами давали им много! А культура – это как неразменный рубль: расплачиваешься этим рублем, а он все у тебя в кармане и даже, глядишь, денег становится больше» [7, с. 68]. Способность выстраивать с иными народами такие взаимоотношения очевидно обусловлена общинностью, софийностью и соборностью, вырастающей из масштабов духовного единения в рамках своей конфессии до идеи всеединства, отрефлексированной в контексте русского космизма.

Русская философия, будучи рефлексией национального самосознания, достигает своей зрелости в XIX в., когда в результате промышленной революции, детерминирующей возрастание технологической мощи человеческой деятельности, созревает потребность перехода от созерцательно-механистического типа мировоззрения к деятельностно-органическому. Для того, чтобы научиться овладевать потенциалом собственной деятельности, социальному субъекту

было необходимо преодолеть механистическое мировоззрение с его идеей первотолчка и с установкой, что «даже в человеческом мире все зависит от обстоятельств, от предшествовавших влияний, от среды, что с человеком и с целым народом можно поступать так, как мы поступаем с камнем и металлами, то есть сделать из них то, что пожелаем сделать» [20, с. 118]. Назревшая историческая потребность приводит к тому, что в литературе XIX в. становится частотной «органическая» терминология: «во всех образованных литературах, простой совокупности частей противопоставляют *органическое целое*, простой связи частей – *органическую связь*, простым переменам – *органическое развитие* и т. д.» [20, с. 118]. В результате на Западе с середины XIX в. в силу господства позитивизма, делающего ставку на научную рациональность, элиминированную от ценностей и идеалов, появляются организмические концепции биологизаторского толка.

Российское самосознание, благодаря присущей ему софийности, обрело аксиологический иммунитет от мировоззренческого нигилизма, свойственного классическому позитивизму. Отечественные мыслители не раз высказывали критические суждения в адрес позитивизма, призывая различать «научные элементы позитивизма» и «философский позитивизм» как претензию на «окончательное миропонимание» [2, с. 20-21], очищенное от смысловых ценностей. Н.А. Бердяев подчеркивает, что сама наука может лишь выиграть от такого ограничения ее области и отказа от своей претензии на верховенство в духовной жизни. Современные исследователи также отмечают имеющий место в позитивизме, начиная с концепции О. Конта, распространение в Европе «онтологического нигилизма» и одновременное развитие в России «учения о духовной природе социальности» [6, с. 45]. Обозначенная специфика нашей ментальности привела к формированию органической теории как актуального философского направления, исследующего любой феномен единого природно-социального организма как «органическое целое», т.е. говоря современным языком, как самоорганизующуюся систему.

Российский органицизм берет начало с трактата А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии», в котором закладывается система теоретико-методологических и мировоззренческих принципов этого направления: всеобщности жизни, целостности, естественности, деятельностного подхода к единому природно-социальному организму, гармонии и антиномичности бытия и мышления [11, с. 17-57]. Данная система принципов раскрывается как целостная философско-антропологическая концепция, которая, будучи заложена в трактате А.Н. Радищева, формирует внутреннее единство полярных направлений русской философии XIX в. Органическое мировоззрение исходит из целостности мироздания, внутреннее единство и целесообразность которого обеспечивается деятельностью человека как социального

субъекта, выступающего высшим уровнем организации естественного бытия. Отечественные мыслители в полной мере отрефлексовали специфику механистического и органического мировоззрения, а также актуальность эволюции первого во второе, что отчетливо выразил Н.О. Лосский в работе «Мир как органическое целое»: «Встретившись с сложным целым, ... в котором можно различить части А, В, С, Д, сторонник неорганического миропонимания стремится понять его как составленное из элементов А, В, С, Д, считая их способными существовать ... совершенно независимо и друг от друга, и от целого, в котором они найдены. Самостоятельность их, по его мнению, настолько велика, что, если бы В, С и Д совершенно исчезли из состава мира, А по-прежнему осталась бы существовать... Самое резкое выражение такого миропонимания заключается в примитивнейших формах атомистического материализма ... нельзя объяснить мир как результат прикладывания А к В, к С и т.д.; множественность не образует целого, а наоборот, порождается из единого целого» [8, с. 340-341]. Н.О. Лосский подчеркивал, что препятствием «к построению гармоничного цельного мировоззрения» является механистичность мышления [8, с. 339]. Основной смысл органического мировоззрения в том, что источник жизненной энергии и причинная обусловленность развития любой системы заключается в ее внутренних противоречиях и способах их разрешения; т.е. органическое мировоззрение по своей теоретической сути диалектично. Н.Н. Страхов обосновывал, что диалектика Гегеля «есть завершение того мышления, которое стремится к *органическому* пониманию вещей» [20, с. 122].

Содержательность перехода от механистического к органическому мировоззрению подразумевает глобальную трансформацию всей доиндустриальной, т.е. традиционной, культуры с ее созерцательностью в техногенную цивилизацию, актуализирующую деятельностный тип мировоззрения, что выражено в известном тезисе К. Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [10, с. 4]. Н.Н. Страхов по-своему выражал необходимость перехода к деятельностному типу мировоззрения: «все, что существует, существует настолько, насколько действует; самая сущность вещей состоит в деятельности... *Деятельность* есть понятие более трудное, чем *бытие*» [19, с. 473-474]. В процессе эволюции органицизма категория «деятельность» была осмыслена многоаспектно: начиная с «жизненного процесса», в котором «всякая вещь пребывает только во взаимном действии с другой», в концепции Д.М. Велланского, где деятельность трактуется в общенаучном смысле, эта категория обогащалась общесоциологическим пониманием в творчестве А.И. Галича, Т.Н. Грановского, Ф.М. Достоевского и получила свою относительно завершенную объективно-идеалистическую трактовку в творчестве Н.О. Лосского, выработавшего понятие «субстанциального деятеля», в роли которого выступает органическое целое.

Сущность перехода от созерцательного к деятельностному типу мировоззрения как результат индустриализации и последующей глобализации человеческой деятельности заключается в необходимости принятия социальным субъектом всей меры исторической ответственности за результаты своей деятельности [27, с. 226-228]. Отечественные мыслители уже в середине XIX в. понимали возрастание меры ответственности человечества: «Как изменилось положение человека на земле! Каким гордым сознанием своего нового значения должен он был проникнуться! Прежде игрушка в руках мощной судьбы, которого вся забота должна была ограничиваться лишь предохранением себя и ближайшего к себе от превратностей рока, без сил влиять на далекое будущее и, следовательно, без заботы о нем – теперь он сильный деятель, стоящий лицом к лицу со всем грядущим – он сеятель жатвы, которая не погибнет, он и ответственный за будущее» [25, с. 8].

Исследуя феномен деятельности, органицисты вплотную подошли к центральной проблеме современного человека: в какой мере соотношение целей, средств и результатов его деятельности зависит от него самого, а в какой от объективных обстоятельств? Говоря современным теоретическим языком, это проблема диалектики субъективного и объективного факторов истории, позволяющая определяться с границами нашей свободы. Таким образом, органическое мировоззрение, рефлекслируемое отечественными мыслителями XIX в., является диалектическим по своей теоретической сути и деятельностным - по целостной установке личности.

В XX в. органическое мировоззрение в нашей культуре эволюционирует в космическое, ибо на рубеже XIX-XX вв. из российского органицизма рождается русский космизм, составивший душу культуры Серебряного века, ознаменовавшего «современный духовный Ренессанс». В соответствии с «геополитическим» подходом в определении понятия исторического типа философии «всеобщее пространство человеческой духовности», состоящее из западной, восточной и русской культуры, развивается, перемещаясь из одного исторического «центра концентрации философской мудрости» в другой: «Здесь есть своя логика. Древний восток – исторически первый центр концентрации философского таланта. Затем – Запад (Древняя Греция, Древний Рим, Франция, Англия, Германия). На рубеже XIX-XX веков центр концентрации философской мысли из Германии переместился в Россию. К этому последняя умственно была подготовлена» [13, с. 175].

Содержательное поле русского космизма в широком понимании подразумевает особый смыслообразующий контекст русского мира, Вселенной русской души, что вылилось в пионерский выход нашей страны в космос. Здесь следует подчеркнуть, что само понятие «Вселенная» как однокоренное глаголу «вселяться» присуще именно русскому языку в отличие от

западного понятия «универсум». Само понятие «космизм», судя по литературным источникам, произвольно ввел в оборот в 1920 г. поэт В.Я. Брюсов. Во время беседы с А.Л. Чижевским, который рассказывал об идеях К.Э. Циолковского, поэт воскликнул: «Поистине только русский ум мог поставить такую грандиозную задачу – заселить человечеством Вселенную! Космизм! Никто до Циолковского не мыслил такими... космическими масштабами!...» [24, с. 118]. А.Л. Чижевский в своих воспоминаниях подчеркивает, что для самого Циолковского выход человека в космос не был «только технической проблемой, но и философской» [24, с. 411].

В профессионализированном смысле русский космизм предстает как философское направление, исследующее космическую функцию человека, которая заключается в том, что человек, будучи следствием саморазвития субстанции, в силу глобализации собственной деятельности превращается в причину её дальнейшего саморазвития. Уникальность русского космизма как философского направления заключается в том, что космическая функция человека в современной исторической ситуации рефлексирована со всех теоретически возможных мировоззренческих позиций: в религиозно-философской ветви русского космизма в роли субстанции выступает Бог, в научной ветви – природа как саморазвивающаяся материя. Кроме того, существует художественно-эстетическая ветвь русского космизма, что имеет принципиальное значение, ибо, как известно, «красота спасет мир».

Космическая функция человека исследуется в контексте разработки философско-антропологического проекта, вырастающего из идей российского органицизма посредством дальнейшего развития системы его теоретико-методологических принципов, которые были обозначены выше. Фундаментальное антропологическое основание и сам смысл космического мировоззрения заключается в осознании человеком своей равноценности мирозданию и соответствующей ответственности за его судьбу. Современное космическое мировоззрение возвращает нас на качественно новом уровне к эстетико-космологической идее античности с её пафосом предустановленной гармонии между микрокосмом – внутренним миром человека и макрокосмом – миром Вселенной как в равной степени содержательных и равнозначных миров. Однако космологическая установка человека в контексте античной культуры носила чисто созерцательный характер. Затем в культуре Ренессанса она возрождается в гуманистическом и антропоцентрическом контексте, задающем энергию активности человека, начинающего реализовывать свой творческий потенциал, что нашло проявление в первой подлинно научной революции, технических изобретениях и великих географических открытиях этой эпохи. Современный уровень возрождения космологической идеи античности заключается в активно эволюционной целостной установке личности, отрефлексированной в проективности мышления космистов.

Сегодня социальная практика демонстрирует «моду» на проекты во всех сферах жизнедеятельности социального субъекта. Так же как в XIX в. возросла частотность употребления слов «организм», «орган», «органическое», теперь в XXI в. отмечается увлеченность именовать не только инженерно-технические задачи, но и продюсирование фильма, разработку концепции и т.д. «проектом». Не случайность частотных тенденций в языке отмечается философами, которые призваны «прислушаться к тому, какие слова употребляются чаще других, поскольку без них не может обойтись сам язык. Таков совокупный и бессознательный результат мысли миллионов людей, думавших вовсе не о категориях, а о туфлях, зонтиках, погоде, соседях, книгах, политических событиях и т.д. Обыденный язык содержит в себе ту совокупную картину мира, которую и пытаются построить философы... Мир – это мириады людей, по-разному мыслящих о мире. Что стоит на первом месте в их языке, то в первую очередь определяет их существование» [26, с. 465-566]. Задача философии, таким образом, заключается в том, чтобы проанализировать причины повышенного предпочтения некоторого словоупотребления и отрефлексировать глубинный смысл ставших излюбленными понятий, как это осуществил Н.Н. Страхов относительно «органических категорий» в XIX в., обратив при этом внимание на стихию языка и особую роль философии в его эволюции: «Напрасно иногда думают, что философы, употребляя слова простого языка, дают им особый смысл, несогласный с обыкновенным. Философы только стараются привести в сознание то же самое, что в языке творится скрытою силою духа» [20, с. 121-122]. В случае со словоупотреблением понятия «проект» выявляется еще один важный аспект взаимовлияния философии и языка: рефлексия этого понятия была осуществлена задолго до того, как оно стало достаточно частотным и очевидно организующим деятельность человека. Осуществил эту рефлексия основоположник русского космизма Н.Ф. Федоров, который разрабатывал свою философско-антропологическую концепцию как «*Всеобщий проект*» или «проектику» и, критически развивая учение И. Канта, раскрыл роль разума в постиндустриальном обществе: «разум получает значение не субъективное и не объективное, а *проективное*; и в этой своей проективной способности объединяются теоретический разум и практический» [21, с. 544]. Осознание и реализация единства теоретического и практического разума в проективной деятельности актуализирует роль *субъективного фактора истории как свободной целенаправленной деятельности социального субъекта*, способного в результате ко всё более полнокровной самореализации, которая возможна только с учетом фактора объективного. Космическая функция человека наиболее отчетливо проявляется в возрастании роли субъективного фактора истории. Атрибутивность проективного характера деятельности Homo Sapiens определяется тем, что только человеку дано быть ответственным

«субстанциальным деятелем – субъектом», который призван анализировать, что в процессе разрешения какой-либо проблемы в конкретной исторической ситуации во власти самого субъекта, а что от него не зависит, т.е. выявлять соотношение субъективного и объективного факторов.

Философский проект имеет свою специфику, обусловленную его мировоззренческим содержанием, поэтому он нацелен на наиболее фундаментальные основы человеческой жизнедеятельности, в силу чего общественному сознанию в его повседневном эмпирическом функционировании такой проект представляется малополезным или даже иллюзорным. Но дух не просто склонен, а призван объективироваться, и настолько ли он при этом оказывается бессильным с материей? Напомним еще раз обоснованную В.Ф. Одоевским в романе «Русские ночи» идею наибольшей роли в мироздании того, что с точки зрения эмпирического восприятия вроде бы наименее полезно и весомо. В главе «Город без имени» он раскрывает, что безусловное доминирование экономического, т. е. материального, интереса в жизни общества ведет его к деградации.

Философско-антропологический проект русского космизма нацелен на созидательно творческое разрешение апокалипсической альтернативы, стоящей перед современным человечеством: между его самоуничтожением или самовозрождением на качественно новом уровне, и в нем отрефлексированы условия созидательного разрешения данной альтернативы: необходимое – это синергия всех элементов духовной культуры как единство Блага, Истины и Красоты, а достаточное – осознание единства человеческого рода. Фундаментальным препятствием на пути единения человечества выступает недостаточный уровень его самосознания, прежде всего нравственного.

Проективность русского космизма выступила наиболее эффективной формой разработки и освоения деятельностного типа мировоззрения, ибо всё начинается в головах: и разруха, и созидание. Не основательно, с нашей точки зрения, в монографии Мелих Ю.Б. «Иррациональное расширение философии И. Канта в России» со ссылкой на Н.А. Бердяева проективизм Н.Ф. Федорова объявляется «радикальным прагматизмом» [12, с. 243]. Прагматизм как философское направление исходит из того, что критерием истинности и нравственности является субъективная полезность результатов деятельности, при этом проблема исторической ответственности за эти результаты не ставится. Философско-антропологическому проекту русского космизма, который дает продуктивно-созидательный ответ на вызовы современной эпохи, в отличие от позитивистско-прагматической ментальности Запада, присуще единство интеллектуальной рациональности и мировоззренческого смысла.

Предназначенность русской культуры для рождения космизма осознанно выражал Н.Ф. Федоров: «Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров... служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» [21, с. 358]. Формирование космизма как направления отечественной философии обусловлено рядом причин. Исследователи славянской мифологии подчеркивают, что в Русских Ведах все славянские боги имеют космическую интерпретацию. Пространственно-временной темпоритм нашей истории также обуславливал рождение космизма: это и евразийские просторы, и историческая молодость по сравнению с «дряхлами» Востоком и Западом, которая отмечалась П.Я. Чаадаевым, В.Ф. Одоевским, Т.Н. Грановским, Н.Я. Данилевским. В сборнике «Вехи» подчеркивается «юный возраст нашего народа» [3, с. 109], поскольку он «вступил чересчур поздно на исторический путь» [4, с. 126]. Непосредственной предпосылкой возникновения русского космизма является концептуальный потенциал российского органицизма, который при этом выступил преемником достижений мировой и отечественной философской мысли.

Сам Н.Ф. Фёдоров был предназначен к роли родоначальника русского космизма, чему способствовали энциклопедизм скромного служащего Румянцевского музея и единство слова и дела в его жизни и творчестве. «Московский Сократ», как его называли, впитал в себя не только интеллектуальные достижения мировой культуры, но и соборность и софийность русского духа, а также те мировоззренческие и теоретико-методологические принципы, которые объединяли полярные направления русской культуры XIX в. Более того, ирония судьбы или Божье провидение таково, что основоположник русского космизма был незаконнорожденным сыном князя П.И. Гагарина.

Исконные ценности нашей культуры нашли отражение в содержании русской идеи, в контексте которой проблема самобытности России конституируется как нравственная ответственность за судьбу своей страны и человечества. Впервые понятие «русская идея» появляется в 1860 г. в газетах в «Объявлении о подписке на журнал «Время»», написанном Ф.М. Достоевским, по мысли которого, именно неудачные попытки приобщения России к европейской цивилизации способствовали развитию национального самосознания и самоидентификации. Полноценно концептуальную разработку русской идеи в XIX в. завершает В.С. Соловьёв, который исходил из того, что человечество есть целое, социальный организм, «живые члены которого представляют различные нации. Ни один народ не может жить в себе, через себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или иную нацию в этой вселенской жизни, – вот её истинная национальная идея...» [17, с. 220]. Соловьёв не абсолютизировал са-

мобитность России, но и не отрицал её, рассматривая Россию как третью историческую силу в противостоянии Запада и Востока, предназначенную для духовного единения человечества.

В контексте русской идеи отчетливо проявляется специфика понимания сущности свободы в отечественной ментальности: это свобода не от чего-то (отрицательная свобода), а во имя чего-то (позитивная свобода). Н.Ф. Фёдоров писал по этому поводу: «Наше отличие от Запада в том и заключается, что Запад на первый план ставит всегда себя, свою личную свободу. Но нет достоинства добывать жизнь для себя, для своей драгоценной личности, и защищать свою личную свободу, всякий зверь так поступает...», ибо «жить надо не для себя и не для других, а со всеми и для всех» [21, с. 166]. Самое глубокое позитивное понимание свободы – это победа нравственной ответственности: «Истинная нравственность не должна считать зло неистребимым, а благо недоступным» [21, с. 434].

Итак, общинность образа жизни, гнездящаяся и поныне в коллективистской психологии, выросшие отсюда соборность, софийность, гражданственность, органическое и космическое мировоззрение, идея Всеединства и Богочеловечества, единство Блага, Истины и Красоты, ноосферное мышление, позитивная свобода – вот не претендующая на исчерпывающую полноту система отрефлексированных философской мыслью ценностей, исторически сформировавших российскую ментальность и детерминирующих мейнстрим в ситуационной динамике жизненных ценностей различных культурных слоёв нашего общества. «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство или индивидуальность, составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность» [18, с. 429].

Индивидуальность нации и общества заключается не в какой-то пресловутой исключительности, а в неповторимом сочетании нюансов общечеловеческих свойств, сформировавшихся в силу пространственно-временной структурной динамики исторического процесса. Отечественные мыслители XIX-XX вв. предупреждали, что мы погубим Россию, если предадим забвению наши духовные истоки [9, с. 40]. Поэтому разрушительно звучит предложение М. Прохорова в газете «Коммерсантъ» от 29 января формировать у нас «новую» культурную идентичность, ибо идентичность как личности, так и социума формируется естественно-исторически на основе исходной генетической базы, а не конструируется искусственно. Технократическому мышлению сущность социогуманитарной сферы, как правило, оказывается не по зубам. Эта «ахиллесова пята» была присуща и выдающемуся космисту К.Э. Циолковскому. Развитие социального субъекта основывается на рефлексии по поводу своей идентичности с целью повышения уровня зрелости самосознания: «Именно индивидуальные особенности народов связывают их друг с другом... выявление национальных особенностей характера,

знание их, размышление над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы. ...Говоря о национальности, мы не разумеем под нею ту национальную исключительность, которая весьма часто противоречит интересам всего человечества. Нет, мы разумеем тут истинную национальность, которая всегда действует в интересе всех народов» [7, с. 66].

Как задействовать наш духовный потенциал: чтобы чиновник не воровал, а душой болел за Отечество, чтобы молодой человек (да и не молодой тоже) не становился на путь терроризма, а у общества в целом была аллергия на фашизм и национализм во всех его проявлениях, на уличную псевдодемократию, чреватую цветными революциями? Эта задача не может быть решена без развития философской культуры, которая органично включает знание отечественных духовных истоков и соответствует уровню мировоззрения, отвечающего вызовам XXI века. Именно философская культура позволяет человеку отличать истинные ценности от мнимых и полноценно реализовывать свою личностную индивидуальность как смысл собственной жизни. Однако сегодня эта задача пущена на самотёк: авось живительный источник исконных ценностей не засохнет, как-нибудь прорвется сквозь асфальт и не погибнет под катком технократического образования и в удушающей атмосфере потребительской психологии. Не случайно директор Института Философии РАН ак. Акад. Гусейнов А.А. подчеркивает, что потенциал русской философии плохо востребован и необходимо к ней обратиться «для развития социальных размышлений» [22, с. 166]. Этот призыв звучит особенно актуально с учетом того, что сегодня в процессе образования, за исключением философских факультетов, не выделяются часы для изучения истории русской философии. Конкретно-социологические исследования «фиксируют подвижность ценностных ориентаций молодежи, определенную их эклектичность и противоречивость. Выявленные приоритеты в ценностных ориентациях, практиках повседневности студенческой молодежи в дальнейшем находят отражение в их поведении, формируя инновационный потенциал региона и общества» [1, с. 68]. Так каким же будет инновационный потенциал нашего общества в ближайшем и отдаленном будущем?

Список литературы

1. Банникова Л.Н., Боронина Л.Н., Вишневецкий Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 58-68.
2. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. С. 11-30.

3. Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи. (Заметки об ее быте и настроениях) // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. С. 97-121.
4. Кистьяковский Б.А. В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. С. 122-149.
5. Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. № 3 (34). 2011. С. 327-332.
6. Кудрина С.А. Ценностные приоритеты и их онтологические основания // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 37-46.
7. Лихачев Д. Заметки о русском. – М.: КоЛибри, 2014. 480 с.
8. Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Лосский Н.О. Избранное. – М., 1981. С. 338-480.
9. Лосский Н.О. История русской философии. – М. 1991. 478 с.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. Т. 3. С. 1-4.
11. Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX – нач. XX вв.: эволюция и актуальность. – М.: Академия, 2007. 292 с.
12. Мелих Ю.Б. Иррациональное расширение философии И. Канта в России. – Спб.: Алетейя, 2014. 344 с.
13. Овчинников В.Ф. О понятии исторического типа философии // Вопросы философии. 1996. №10. С. 173-175.
14. Одоевский В.Ф. Русские ночи. – М.: Художественная литература. 1988. 317 с.
15. Плеханов Г.В. Соч.: в 24-х т. – М.-Л., Госиздат. 1925. Т. XXI. 298 с.
16. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 493-547.
17. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. С.219-246.
18. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. 543 с.
19. Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. Издание второе. – СПб., тип. бр. Пантелеевых. 1892. XXVI, 582 с.
20. Страхов Н.Н. Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116-124.
21. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1982. 711 с.
22. Фетисов В.П., Варава В.В. Этика и русская философия // Вопросы философии. 2007. №8. С. 166-171.
23. Чернышевский Н.Г. Избр. филос. соч. Т. 1. – М., Госиздат. 1950. 872 с.

24. Чижевский Л.А. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским, Воспоминания. – М.: Мысль, 1995. 735 с.
25. Эдельсон Е. ИДЕЯ ОРГАНИЗМА и ее приложение в различных сферах знания // Библиотека для Чтения. 1860. № 3. С. 1-26.
26. Эпштейн М. Частотный словарь как философская картина мира // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. – СПб.: Алетейя, 2003. С. 465-466.
27. Masloboeva O.D. Global World Outlook // Global Studies. Encyclopedic Dictionary / Edited by A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay. – Amsterdam-New York: Rodopi, 2014. Pp. 226-228.

References

1. Bannikova L.N., Boronina L.N., Vishnevsky Yu.R. *Sotsiologicheskie issledovania* [Sociological researches], no. 2. (2013): 58-68.
2. Berdyaev N.A. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From depth]. – Moscow, Pravda, (1991): 11-30.
3. Izgoev A.S. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From depth]. – Moscow, Pravda, (1991): 97-121.
4. Kistyakovsky B.A. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From depth]. – Moscow, Pravda, (1991): 122-149.
5. Korg N.V. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet V.I. Vernadskogo* [Questions of modern science and practice. University of V.I. Vernadsky], no. 3 (34), (2011): 327-332.
6. Kudrina S.A. *Sotsiologicheskie issledovania* [Sociological researches], no. 1. (2010): 37-46.
7. Likhachev D. *Zametky o russkom* [Notes about Russian]. – Moscow, KoLibry, (2014): 480.
8. Lossky N.O. *Izbrannoe* [Selected works]. – Moscow, Pravda, (1981): 338-480.
9. Lossky N.O. *Istoriya Russkoy filosofii* [History of the Russian philosophy]. – Moscow, Pravda, (1991): 478.
10. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Compositions], publ. 2. Vol. 3. Pp. 1-4.
11. Masloboyeva O. D. *Rossiysky organicism i cosmism XIX – nach. XX vekov: evoluciya i aktual'nost* [Russian organicism and cosmism of XIX – the begining of the XX centuries: evolution and actuality]. – Moscow, Akademiya, (2007): 292.
12. Melikh Yu.B. *Irratsionalnoe rasshirenie filosofii I.Kanta v Rossii* [Irrational expansion of philosophy of I. Kant in Russia]. – Saint-Petersburg, Al'eteya, (2014): 344.
13. Ovchinnikov V.F. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], no. 10, (1996): 173-175.
14. Odoevsky V.F. *Russkie nochi* [Russian nights]. – Moscow, (1988): 317.

15. Plekhanov G.V. *Sochineniya v 24 tomah* [Compositions in 24 volumes]. – Moscow-Leningrad, State publishing house, v. XXI, (1925): 298.
16. Solovyov V.S. *Sochineniya v 2 tomah* [Compositions in 2 volumes]. Vol. 2. – Moscow, Mysl', (1988): 493-547.
17. Solovyov V.S. *Sochineniya v 2 tomah* [Compositions in 2 volumes]. Vol. 2. – Moscow, Pravda, (1989): 219-246.
18. Sorokin P.A. *Chelovek. Civilizaciya. Obshestvo* [Person. Civilization. Society]. – Moscow, Politizdat, (1992): 543.
19. Strahov N.N. *Mir kak celoe. Cherty iz nauki o prirode* [World as whole. Lines from science about the nature], edition second. – Saint-Petersburg, (1892): XXVI, 582.
20. Strahov N.N. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], no. 5, (2009): 116-124.
21. Fedorov N.F. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Mysl', (1982): 711.
22. Fetisov V.P., Varava V.V. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], no.8. (2007): 166-171.
23. Chernyshevsky N.G. *Izbrannye filosofskie sochineniya* [Selected philosophical works]. – Moscow, State publishing house. Vol. 1, (1950): 872.
24. Chizhevsky L.A. *Na beregu Vselennoy. Gody drugby s Tsiolkovskim. Vospominaniya* [On the bank of the Universe. Years of friendship with Tsiolkovsky. Memoirs]. – Moscow, Mysl', (1995): 735.
25. Edelson E. *Biblioteka dl'a chteniya* [Library for Reading], no. 3, (1860): 1-26.
26. Epshtein M. *Proektivnyi filosofskiy slovar': Novye terminy i ponyatiya* [Projective philosophical dictionary: New terms and concepts]. – Saint-Petersburg, Al'eteya, (2003): 465-466.
27. Masloboeva O.D. *Global World Outlook // Global Studies. Encyclopedic Dictionary / Edited by A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay.* – Amsterdam-New York, Rodopi, (2014): 226-228.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Маслобоева Ольга Дмитриевна, доцент кафедры философии, кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ул. Садовая, д. 21, г. Санкт-Петербург, 191023, Россия

e-mail: masloboeva.o@inbox.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 7743-1973

DATA ABOUT THE AUTHOR

Masloboeva Olga Dmitrievna, Associate Prof., Chair of Philosophy, candidate of Philosophy
St.Petersburg State Economic University.
21, Sadovaya street, St.Petersburg, 191023, Russia
e-mail: masloboeva.o@inbox.ru

Рецензент:

Бразевич Святослав Станиславович, профессор кафедры истории и теории социологии,
доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный универси-
тет, социологический факультет